

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

СОРВАННЫЙ ВЕНЕЦ
СКРЫТОЕ ПЛАМЯ

ПРОКЛЯТЫЙ ТРОН
СВЯЗАННЫЕ СУДЬБЫ

МЕДВЕЖЬЕ СОЛНЦЕ
ТЕМНОЕ НАСЛЕДИЕ

ОГНЕННЫЙ ПУТЬ
РАСКОЛОТЫЙ МИР

ГОРЬКИЙ ПЕПЕЛ
СТАЛЬНЫЕ НЕБЕСА

ИРИНА КОТОВА

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

ГОРЬКИЙ ПЕПЕЛ
СТАЛЬНЫЕ НЕБЕСА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К73

Оформление:

*Анна Литина
Анна Ларюшина
Евгения Козина
Вероника Акулич
Алина Цой*

Котова, Ирина Владимировна.

К73 Королевская кровь. Горький пепел. Стальные небеса / Ирина Котова. — Москва : Эксмо, 2024. — 864 с.

ISBN 978-5-04-189537-2

В самые темные времена, из самого горького пепла прорастают смелость, самоотверженность и воля... Каждый ведет свою битву: одни защищают Туру на поле боя, другие в тылу — спасая солдат, помогая мирным жителям. Кого-то война заставляет принять свою силу и место, а кого-то — от усталости и боли совершать непоправимые ошибки. Но главное испытание разворачивается не на Туре, а в далеком мире, где двое путников идут к отверженному богу. И только от того, дойдут ли они живыми, зависит, закончится ли эта война.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189537-2

© Котова И., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

Том 9

ГОРЬКИЙ ПЕПЕЛ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Из доклада связного армии иномирян тха-нора Арвехши императору Итхир-Касу

«Мой император. Целую край твоих одежд и спешу доложить, что генерал Ренх-сат почти добился успеха. До полного захвата страны, называемой Инляндия, его отделяет три клочка земли и три горстки сопротивляющихся. Он припадает к краям твоего плаща и обещает, что не пройдет и двадцати восходов лун, как вся страна будет в твоей власти. Он шлет тебе тысячу рабов и десять сундуков с сокровищами, а своей невесте, твоей несравненной внучке Анлин-Кас, триста рабов и шесть сундуков с украшениями, взятыми в захваченных городах.

Мой император. Твой верный генерал Манк-теш сообщает, что в стране, называемой Блакория, все еще держатся морозы, и продвижение идет медленно, а сопротивляются нашей армии ожесточенно. Он склоняет голову перед твоим гневом и просит твоей милости и подкрепления. Отправленные на подмогу отряды почти полностью перемолоты в битвах, пусть справедливы будут к их душам боги.

Мой император. В стране, называемой Бермонт, наши войска закрыты в горах льдом и снегами, а попытки продвижения не имеют успеха. Враги осыпают твою армию небесным огнем, а по ночам в лагере появляются страшные звери, загрызают и похищают солдат, портят снаряжение. Генерал Харол-тон припадает к краю твоего плаща и спрашивает, не разумнее ли им вернуться через переход и присоединиться к другим частям армии, чем умирать в бездействии от холода и голода? Если же будет воля твоя прислать подкрепление, то они готовы пойти на прорыв во имя твое и завоевать для тебя эту землю или отдать жизни.

Мой император. В морозной части страны, называемой Рудлог, ситуация сложная: большой город Лесовина еще не взят, а наши войска хоть и захватывают новые территории, но быстро тают из-за коварных действий противника и сильных колдунов, которых пленные из местных называют магами. Генерал Виса-асх тоже просит о подкреплении. В теплой же части этой страны идут победоносные бои,

захваченная тиодхаром Тенш-мином земля растет, и армия продвигается к столице — во славу твою, великий тха-нор-арх.

Мой император. Оставшиеся армии ждут, пока откроются еще два портала. Сферы лежат спокойно, мерцания не видно, и не беспокоятся рядом животные. Время еще не пришло».

Из обращения императора Итхир-Каса к своим генералам

«Верные псы мои, слава и сила Лортах! Говорил я с богами. Приняв жертвенную кровь, открыли они мне, что недолго осталось до их прихода в новый мир, дабы помочь вам. Молитесь, готовьтесь к их появлению, бейтесь хорошо, и я награжу вас, и они не оставят без награды. Поведали они мне и что скоро откроются переходы у оставшихся сфер, и все наши войска смогут вступить в победоносную войну. Боги недовольны, что продвижение замедлилось, поэтому слушайте меня: нам дадут новое оружие, с которым мы захватим этот мир за декаду, и я сам при открытии следующих врат возглавлю одну из армий, чтобы сокрушать врагов и вести вас за собой».

* * *

В холме под лакшийским храмом клубилась тьма. Старые боги, жестокие боги, творили новое оружие: из мертвой крови и плоти, которыми здесь пахло, боли и страха, из духа жизни, что впитали они за тысячелетия жертвоприношений.

Боги спешили: Лортах был иссушен ими и ослаблен, и скоро должно было настать время, когда они не смогут существовать, даже приняв в жертву всех жителей этого мира. Нет, им нужна была новая планета, полная энергии, и поэтому все силы они бросили в свои армии и с нетерпением ждали момента, когда порталы укрепятся настолько, что смогут пропустить их.

После разведки в новом мире одна из их теней была уничтожена. Три оставшиеся бесконечно скользили над лесами побережья материка Ларта, надеясь найти беловолосую девку, о которой было предсказано, что нельзя ее выпускать на Туру, иначе захлопнутся порталы. Пусть ловчие доложили, что девка и ее защитник, скорее всего, погибли, — нужно было убедиться в этом. Но боги не могли обнаружить беглецов: чужак, давно вторгнувшийся на Лортах и запертый в горной долине, прикрывал свои поселения и область далеко за ними от ищущих взглядов. Зато беглецов, если они еще были живы, могли поймать люди — и обязаны были поймать.

Пятнадцатое марта по времени Туры,
Лортах

— Огонь?

— Ронха.

— Дом?

— Орен.

— Император?

— Тха-нор-арх. — Алина пнула небольшой камешек, который, попав в ближайший папоротник, отскочил от него, спугнув мелкую пташку, и вздохнула: — Я давно запомнила эти слова, профессор. Все же в этом языке слишком много шипящих и глухих. И почему-то каждое третье слово с приставкой «тха». Скажите лучше, что она значит?

— Тха — это «огромный», — терпеливо пояснил Тротт.

— Ага, — Алинка повеселела, — а «нор» — это «аристократ». А арх... арх — благословенный. То есть тха-нор-арх — самый большой и благословенный богами аристократ?

— Верно.

— А тха-охонг — «огромный охонг», — увлеченно продолжала принцесса.

— Верно.

— А тха-орен — дворец! — Она дунула на пряди, упавшие на лицо.

— Я уже понял, что вы поняли, Богуславская, — едко проговорил инляндец, и она возвела глаза к небу, нарочито обиженно надув губы. «Ну вы и зануда, лорд Макс» не прозвучало вслух, но мысли спутницы были так же очевидны, как и то, что солнце клонится к горизонту.

Макс воспользовался паузой, чтобы оглядеться и прислушаться. Теперь он постоянно существовал в режиме сканирования окружающего пространства. Даже во сне расслабиться не получалось.

С момента их прыжка со скалы прошел почти месяц, а они все еще не дошли до поселения дар-тени. И не потому, что Богуславская задерживала их, — наоборот, она заметно окрепла, мышцы на руках и ногах приобрели рельеф, и теперь принцесса куда легче выдерживала и полноценные дневные переходы, и вечерние тренировки. Но влажный папоротниковый лес кишел охонгами и отрядами из твердыни Аллипа, посланными навстречу. А в спину дышали ловчие из отряда старого знакомого, нора Хенши.

Хорошо, что Охтор за прошедшие годы исходил лес между холмами и поселением вдоль и поперек и знал в нем каждый папоротник. Пришлось петлять, чтобы обходить засады и чутких охонгов, заметать следы, отказываться от разведения костров. Беглецы то прятались от отрядов ловчих в убежищах, вымазавшись мускусными железами местного мелкого оленя — только чтобы не учуяли охонги, — то шли ночами, пробираясь почти вплотную к чужим отрядам или обходя их по мелкому морю. Все это удлинит время пути больше чем вдвое. И Макс прекрасно понимал: то, что их до сих пор не поймали, — невероятная удача.

Он начал учить Алину Рудлог местному языку сразу после того, как они вплавь добрались от скалы, в пещере которой провели день, до берега, покрытого папоротниковым лесом. Когда Тротт очнулся в нагретой пещере, обнимая горячую принцессу, крепко спящую у него на коленях, он долго слушал ее дыхание, не двигаясь, чтобы не разбудить, и ругал себя за то, что не подумал об изучении языка раньше. Погибни он на холмах, и как бы она смогла объясниться с главой поселения, даже если бы у нее получилось дойти до него?

А когда проснулась она, сонная и раскрасневшаяся, с прилипшими от жары ко лбу волосами, и посмотрела на него зелеными туманными глазами, в которых были и воспоминания о прошедшей ужасной ночи, и усталость, и смиренная готовность идти дальше, а потом улыбнулась подбадривающей улыбкой, так похожей на улыбку Михея, — Макс понял, что не имеет права погибнуть, прежде чем выведет ее отсюда. Потому что без него она точно никуда не пойдет.

Тротт там же, в пещере, заставил ее еще раз попытаться вернуться на Туру, но ничего не вышло. Как и до этого, как и после этого.

Богуславская несколько дней после ночного перехода была необычайно тихой и испуганной — и в глазах ее появилось какое-то новое, серьезное и печальное выражение. Она периодически остро поглядывала на Макса, но молчала, пока он не выдержал:

— Спрашивайте, Алина.

Принцесса покачала головой и ничего не ответила. И только ночью, привычно уже прижавшись к нему спиной в очередной норе, пахнущей сухим мхом и древесной щепой, тихо проговорила:

— Нам ведь не выбраться отсюда, да, лорд Макс?

— Вы внезапно осознали серьезность нашего положения, Богуславская? — с намеренным едким недоумением произнес он. — Мне казалось, скорость вашего мыслительного процесса быстрее.

Их голоса в маленьком убежище, вокруг которого расстилалась ночь, звучали глухо и почти неслышно.

— Не бурчите, — прошептала она укоризненно и затихла. Но не заснула — и Тротт, скривившись, коснулся ее руки и сказал:

— Это сложно, Алина. Но не невозможно. Мы не должны были прийти даже до холмов — но мы дошли и прошли их. Надеюсь, удача и дальше будет нам сопутствовать, а я сделаю все, чтобы вы вернулись на Туру.

Ее пальцы в его ладони дрогнули.

— Как хорошо, что вы есть. — Она тяжело вздохнула, явно заставляя себя расслабиться, и нарочито бодро поинтересовалась: — А вы возьмете меня на стажировку, когда мы вернемся?

— Возьму, Алина.

— И в лабораторию свою пустите?

— Конечно.

Она хмыкнула:

— Вы сейчас все, что угодно, пообещаете, да?

— Да. — Принцесса не видела его мимолетной улыбки.

— Я подумаю, что у вас попросить, — пробормотала она довольнo. — Потом. Обязательно что-нибудь придумаю.

На следующий день она снова была собой — любознательной и бодрой Богуславской. Только глаза оставались взрослыми — так бывает у побитых жизнью подростков и у бродячих собак. Но иномирянские слова повторяла бойко и опять сыпала вопросами.

— Неужели все здесь говорят на одном языке? — удивлялась принцесса. — У нас на одном материке несколько десятков языков и диалектов, а здесь — один?

— Это империя, — объяснил Макс, — которая существует очень давно. Поэтому есть умирающие местные языки и есть общий, на котором в основном и говорят. Свою роль сыграло и постоянное подтопление материка. Каждый год многие поселения снимаются со своих мест и идут в центр, а там языки перемешиваются, ассимилируются.

У принцессы оказалась превосходная память, и сейчас, спустя три недели, она уже худо-бедно могла изъясняться на языке Лортаха. Иногда Макс требовал разговаривать с ним и отвечать ему только на лорташском, и Богуславская очень забавно воспринимала это как вызов — она упорно пыталась объясниться даже в то время, когда ее словарь состоял из пары-тройки сотен слов. Впрочем, она любила вызовы, это он заметил.

В округе было спокойно. Сейчас они пробирались по чаще, где старые папоротники росли так кучно, что охонгу было не пройти.

Но здесь отсутствовали источники воды — к ближайшей речушке беглецы должны были выйти завтра к вечеру, а пока приходилось экономить то, что есть во флягах, и обходиться без умываний.

Наступила темнота, на листьях папоротников замерцал отблеск первой поднимающейся луны. Принцесса шла молча, сосредоточенно, почти не пытая, — теперь они двигались еще пару часов после наступления темноты, чтобы оторваться от преследователей. Она, конечно, устала и, когда думала, что он не видит, терла глаза и тихонько вздыхала. Но после того как Макс скомандовал: «Привал», — уселась на землю, вытерла лицо влажной тряпочкой — воды во флягах оставалось чуть больше половины, — немного отдохнула и без напоминания тяжело поднялась на ноги. Заниматься.

Одновременно с изучением языка Тротт начал учить ее бою с ножом. Оружие принцесса держала неправильно, как бить — не понимала, училась с трудом и долго не могла себя заставить замахнуться на наставника. Она ранилась о лезвие, роняла острый нож на ноги, с ужасом отбрасывала его, если нечаянно царапала Макса, и отчаянно злилась оттого, что у нее не получается. Вот и сейчас: стоит, сжав рукоятку слишком далеко от лезвия и чересчур высоко подняв руку, — из такого положения не вгонишь оружие под ребра или в живот, а сил пробить ребра у нее точно не хватит.

— Ниже руку, Богуславская. Согнитесь немного, как я учил. Вот так. А теперь бейте. Бейте, а не тыкайте хаотично и не жмурьтесь! От того что вы закроете глаза, противник не исчезнет!

— Я уже говорила, я боюсь вас поранить, профессор, — сгорбившись, объяснила она.

— Вы при всем желании меня не заденете, — сухо ответил Тротт. — А вот того, кто не ожидает атаки, — вполне. Поднимите голову. — Принцесса послушно выпрямилась, сверкая в темноте зелеными глазами. — Прикрывайте тело второй рукой. Крепче хват. Бейте!

Она ударила — и Макс сдвинулся вправо совсем немного, перехватив и вывернув ей ладонь с ножом, зажал принцессу спиной к себе, обхватив рукой над грудью. Богуславская застонала от боли, но не остановилась — пнула его по коленке, неожиданно впилась зубами в предплечье... и так удивилась, когда оказалась на свободе, что застыла, вместо того чтобы бежать.

— Хорошо. — Тротт, поморщившись, потер кожу выше запястья, где наливались красным следы зубов. — Только кусайте сильнее. Вы не за столом, чтобы деликатничать.

Алина фыркнула:

— Да и вы не сильно-то вкусный, профессор. Давайте дальше, а? — Она зевнула. — Спать очень хочется.

Пощады спутница теперь не просила и не жаловалась. Но ему иногда становилось до невозможного тошно при взгляде на ее прокушенную от боли губу — если слишком сильно выворачивал руки — или на порезы на ее теле. От запаха ее крови Тротта до сих пор кидало в состояние сжатой пружины — хотелось то ли убивать кого-то, то ли крушить все вокруг. Но он сдерживался. Он вообще умел себя контролировать.

После тренировки, когда принцесса остывала, сидя на земле, Макс сообщил:

— Если все будет спокойно, послезавтра переночуем уже в поселении.

— Правда? — Алина даже лицом просветлела, принимая у него из рук ломаную сухую лепешку.

— Правда, — буркнул Тротт, глядя, с какой жадностью она вгрызается в пресное угощение, чуть ли не давясь от голода, запивая его водой и закатывая глаза. — Немного осталось. Надеюсь, удача нам не изменит.

На следующий день Алина бодро пробиралась вслед за профессором по надоевшей чаще. Вокруг было жарко, тихо и мирно. Каких только растений тут не росло! Огромные папоротники принимали самые причудливые формы: они были то со стволом в виде круглой бутылки, увенчанные пышной кроной, то высокие, покрытые чешуйками, как шишки, то витые, то растущие горизонтальными волнами, напоминающими гигантских змей. Ребристые стволы, шарообразные, плоские, кое-где сросшиеся в длинные стены, которые приходилось обходить... И еще сотни видов, от карликовых до гигантских, в сочных листьях и дуплах которых кричали птицы и жужжали насекомые, а у корней то и дело мелькала какая-нибудь местная живность. Чаща постепенно редела и становилась не такой непролазной. Но принцесса почти не обращала на все это великолепие внимания, погрузившись в мечты. Перед ее мысленным взором вставала то удобная кровать с одеялом и подушкой, то ванна, то — верх желаний! — кусок мыла и мочалка, которые она не выпустит, пока не смоеет с себя всю грязь. А если еще можно будет сварить суп... Живот свело, пятая Рудлог сглотнула слюну и со стыдом посмотрела на напряженную спину Тротта. О чем она думает? Суп, мыло — когда их в любую минуту могут поймать и убить!

Словно в ответ на ее мысли сверху раздался знакомый гул. Алинка быстро шмыгнула к древесному стволу, привычно распласталась на нем, провожая взглядом едва видимую сквозь большие листья папоротников «стрекозу» со всадником. Оглянулась — лорд Тротт тоже смотрел на улетающего раньяра, и выражение лица его было очень мрачным.

Стоило чудовищу скрыться из виду, как инляндец отошел от ствола, прислушался. Снова раздался гул.

— Еще одна, проф... — начала Алина испуганно, но он прервал ее жестом, поводя головой в стороны и втягивая носом воздух. Шагнул назад, в укрытие, и, когда вторая стрекоза скрылась, свистяще рывкнул:

— Бегом, Богуславская! Скоро тут будут охонги!

Он побежал, и Алина без слов сорвалась с места, понеслась следом, уже на бегу соображая, что в воздухе действительно едва уловимо тянет муравьиной кислотой. Затем и эти мысли ушли — она, подавляя желание оглянуться, сосредоточилась на удержании ровного дыхания и на том, чтобы не споткнуться об очередную осклизлый корень или пенек. И чтобы не отстать.

Следующие несколько часов превратились в сплошной бег с небольшими передышками.

Тротт бежал, перепрыгивая через коряги, периодически оглядываясь на принцессу. Где-то в стороне мелькала черная тень — и он перехватывал Алину за руку, дергал за прикрытие стволов, переживал. Слышался гул — и он прижимал спутницу к земле под пышной кроной, сжимаясь сам, — и тут же тянул ее дальше, когда раньяр пролетал мимо.

Принцесса не жаловалась. Она сосредоточенно дышала, слушалась его безмолвных команд и, похоже, даже бояться не успевала.

Лес шумел, лес скрипел, сообщая чуткому уху Макса о том, что полон чужаков. С разных сторон под лапами охонгов трещали ветки и хлопала вода в лощинках, слышалось верещание, голоса ловчих. Тротта с Богуславской еще не увидели, слава богам и местной буйной растительности, но количество наемников было таким, чтобы и крысозуба не пропустить.

Деревья росли все реже, а значит, и лес просматривался дальше. Впереди раздалось тонкое верещание охонга — и Макс, резко остановившись, выругался и толкнул Алинку к витому папоротниковому стволу. И шепотом приказал:

— Лезьте вверх, быстро!

Алина даже не стала спрашивать как — хотя папоротник напоминал мясисто-зеленую детскую горку, закручивающуюся по спирали в небеса и там распадающуюся на гигантские листья. Кое-где края «желоба» почти смыкались, где-то расходились — и принцесса, пыхтя, упираясь руками и ногами в ребристую прохладную кору, лезла вверх, слыша позади такое же тяжелое дыхание Тротта и стараясь двигаться поскорее. Внутри папоротника сильно пахло чем-то напоминающим лавровый лист, смешанный с алоэ.

— Еще! — шипел инляндец, когда Алина останавливалась в страхе, что дрожащие руки подведут и она сорвется вниз, утянув за собой и профессора. — Выше! Иначе нас учуют!

Она лезла и лезла, не обращая внимания на мешающие крылья, пока в очередном витке, пятом или шестом по счету, Тротт не дернул ее за ногу, призывая остановиться.

Здесь желоб-ствол располагался почти вертикально, и края его сходились совсем близко — между ними была щель сантиметров двадцать, не больше. Внутри он напоминал широкую бочку. Алина изо всех сил упиралась руками и ногами в стенки, растопырила и крылья, но руки немели, отказывали.

Снизу слышались голоса.

— Сейчас упаду, профессор, — прошептала Алинка, с отчаянием представляя, как она выкатывается из этой «горки» прямо под ноги преследователей.

— Не вздумайте, — процедил он. Зашевелился — принцесса даже боялась опустить голову, чтобы посмотреть, что он делает, — а инляндец подполз выше, ей за спину, и, упираясь только ногами, достал у нее из ножен кинжал, воткнул рядом с ее рукой.

— Держитесь, — его собственный нож вошел в кору с другой стороны от щели. Алинка вцепилась в рукоятки, а Тротт обхватил ее за талию и прижал к себе. Сразу стало легче.

Алина затихла, глядя из укрытия вниз, на землю, где остановились два охонга со всадниками. Ей было жарко, за спиной тяжело дышал профессор Тротт — он тоже был горячий и напряженный, и сердце его колотилось так же, как ее собственное.

Люди переговаривались, охонги с тонким верещанием поводили передними лапами в воздухе, крутили треугольными головами.

— У них на лапах обонятельные ворсинки, — неслышно шепнул Тротт на ухо — и она дернулась от щекотки и прикосновения жесткой бороды. Крепкая рука тут же сжала ее сильнее, и Алинка замерла. Ствол от ее движения, как ей показалось, скрипнул просто оглушительно. Но ловчие внизу не обратили на звук внимания.